Глава 35

Линия «А что, если...»: Шэнь Цы перемещается во времена старшей школы Се Юя

— У меня нет родителей. Никто не придет вносить залог.

— Возместить ущерб? Денег тоже нет.

— Хотите арестовать? Валяйте. Я не собираюсь извиняться перед этими ублюдками.

Се Юй сидел в комнате для допросов. Во время драки он задел кулаком застежку рюкзака и содрал кожу — на костяшках запеклась темная, черно-красная корка размером с монету.

Сотрудник участка с досадой постучал по клавишам:

— Судя по форме, ты еще школьник. О таких вещах мы обязаны уведомлять опекунов…

— Я же сказал: у меня их нет, — отрезал Се Юй.

Его голос звучал жестко и надломленно. Отросшие волосы почти полностью закрывали глаза, из-под челки он исподлобья наблюдал за полицейским, и в этом взгляде сквозило мрачное, затравленное высокомерие.

— Что ж, тогда придется оформлять документы на задержание… — вздохнул тот.

В маленькой комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь механическим стрекотом клавиатуры.

Клац-клац, клац-клац.

Се Юй раздраженно мерил носком ботинка пол. На душе было скверно. Он не знал, что именно пишет этот человек в протоколе: назовет ли он его хулиганом, нарушителем правопорядка или неисправимым социопатом. В любом случае, ничего хорошего там не будет.

Полицейский вдруг замер, вглядываясь в монитор, а затем дважды щелкнул мышкой, словно проверяя данные.

Юноша одернул школьные брюки и с вызовом поднялся:

— Всё? Куда мне идти?

Он предпочел бы поскорее оказаться за решеткой, лишь бы на него перестали смотреть с этим невыносимым удивлением и жалостью.

— Нет, подожди. Тут какая-то отметка… За тебя внесли залог.

— За меня? — Се Юй усмехнулся и снова сел. — Ваша система глючит. Некому за меня вносить.

Сотрудник еще раз сверился с записями:

— Нет, всё верно. Можешь идти. Штраф оплачен, тебя ждут в главном зале.

Парень гадал, кто решил так глупо пошутить или просто перепутал имена.

— И кто же мой «спаситель»? — спросил он, закидывая рюкзак на плечо.

Полицейский сверился с экраном:

— Посмотрим… Ага, некто Шэнь Цы.

***

Се Юй увидел его сразу.

Мужчина со звучным именем стоял посреди шумного зала и неспешно просматривал документы об освобождении под залог. На нем был безупречный костюм и очки в тонкой серебряной оправе. Его аура, благородная и безмятежная, совершенно не вязалась с суетой полицейского участка. Он казался учителем из древних времен, который случайно забрел сюда из своего тихого сада, где привык читать стихи под сенью банановых деревьев.

Се Юй не знал таких людей. Его школьные годы напоминали сточную канаву, и его мир ни в одной точке не пересекался с миром этого холеного господина.

«Точно ошибка», — подумал Се Юй.

Он уже развернулся, чтобы вернуться к инспектору и прояснить ситуацию: он не знает никакого Шэнь Цы, тот пришел не к нему, и вообще — оформляйте арест, некогда тут рассиживаться.

Но Шэнь Цы уже поднял голову.

В ту секунду, когда их взгляды встретились, в глазах мужчины вспыхнул удивительный блеск — смесь восторга, нежности и какой-то щемящей тоски. Он жадно всматривался в черты лица подростка, словно путник в пустыне, наконец добравшийся до воды.

Се Юй почувствовал себя крайне неуютно.

Он невольно окинул себя взглядом: старая, выцветшая форма, закатанные рукава, пятна крови на руках и рюкзаке. Типичный малолетний преступник, от которого приличные люди на улице стараются держаться подальше.

Подростковое самолюбие болезненно кольнуло. Юноша демонстративно плюхнулся на стул напротив Шэнь Цы, с грохотом бросил рюкзак на соседнее сиденье и небрежно процедил:

— Ты еще кто? И что тебе от меня нужно?

Шэнь Цы не сводил взгляда с его израненной руки. Он поправил очки и мягко улыбнулся:

— У твоего отца возникли дела, и он попросил меня присмотреть за тобой какое-то время. В ближайшие дни не возвращайся домой, поживешь у меня.

Он протянул Се Юю телефон с видеозаписью. Пьяный в стельку мужчина, валяясь на тахте, невнятно бормотал:

— Шэнь Цы… это твой… дальний кузен. Он сейчас в Цзянчэне… я попросил… присмотрит за тобой…

Се Юй едва не расхохотался.

Он не мог решить, что в этой ситуации нелепее: то ли идея о том, что на их захудалом генеалогическом древе мог вырасти такой «золотой плод», как Шэнь Цы, то ли то, что его непутевый папаша в пьяном угаре вдруг вспомнил о существовании сына и решил найти ему опекуна.

— Если не веришь, можешь позвонить отцу, — спокойно добавил Шэнь Цы. — Он действительно доверил тебя мне.

Пусть даже для этого «доверия» пришлось приложить определенные усилия.

Се Юй не горел желанием общаться с родителем. Он подхватил рюкзак:

— Ладно. Куда едем?

Он смерил Шэнь Цы пристальным взглядом, намеренно растягивая последнее слово:

— «Братец»?

Шэнь Цы на мгновение замер.

Впрочем, он быстро справился с секундным замешательством и потянулся, чтобы забрать у подростка сумку:

— Машина на стоянке. Идем.

Се Юй перехватил рюкзак:

— Сам донесу!

Он был уже выше Шэнь Цы и не собирался позволять этому хрупкому интеллигенту таскать свои вещи.

Собеседник слегка качнулся от резкого движения парня, но не обиделся, лишь добродушно улыбнулся:

— Хорошо, неси сам.

«…»

Се Юя это взбесило еще сильнее.

Этот внезапно объявившийся «кузен» вел себя так, будто Се Юю было три года — смотрел с долей снисходительной нежности, словно его нужно было уговаривать и баюкать.

Но на такую мягкость трудно было отвечать агрессией. Хмуро наблюдая, как Шэнь Цы убирает вещи в багажник и галантно распахивает перед ним дверцу, Се Юй только плотнее сжал губы.

«Точно как с маленьким ребенком возится», — подумал юноша.

Он сопел от злости, пока Шэнь Цы усаживался за руль.

— Пристегнись, пожалуйста, — тихо напомнил тот.

Се Юй осекся.

Чувство было странным. Всю его жизнь отец видел в нем врага, учителя и одноклассники обходили стороной, а прочие родственники и вовсе забыли о его существовании. И вот — совершенно незнакомый человек заботливо просит его пристегнуть ремень.

— Сам знаю, не маленький, — пробурчал Се Юй, но послушно щелкнул замком.

Шэнь Цы привез его в элитный жилой комплекс у реки. Район был престижным, с дорогими школами поблизости.

«Действительно, богат», — отметил про себя Се Юй.

Квартира оказалась огромной, с панорамным видом на воду. Шэнь Цы указал на одну из дверей:

— Это твоя комната.

Он провел для Се Юя небольшую экскурсию и виновато улыбнулся:

— Всё было очень спешно, я не успел подготовиться как следует. Купил кое-какие мелочи, надеюсь, тебе понравится.

Се Юю не просто понравилось — казалось, Шэнь Цы читал его мысли. В комнате стоял огромный монитор с игровой приставкой, на полке лежал шлем для мотоцикла лимитированной серии, а в холодильнике ждали именно те закуски и напитки, которые он любил.

«…»

— Спасибо, — выдавил Се Юй, стараясь звучать как можно безразличнее.

Он не привык к благодарности, поэтому выглядел неловким и угловатым. Шэнь Цы сделал вид, что не заметил его смущения. Собравшись уходить, он вдруг обернулся:

— Ах да, ты ведь скоро заканчиваешь школу? Твой отец сказал, что ты переходишь в выпускной класс. Придется ограничить время на игры. Сначала задания, потом приставка.

Градус неловкости в душе Се Юя зашкалил.

Он не понимал, почему этот человек так печется о нем. Ладно жилье и еда, но учеба? Се Юй

забросил учебники больше года назад.

Однако Шэнь Цы не шутил.

Тем же вечером он постучал к нему с пачкой тестов:

— Попробуем?

В его взгляде было столько искреннего участия, что Се Юй, который всегда пасовал перед чужой добротой, не смог отказать. Пользуясь тем, что живет и ест за чужой счет, он уселся за стол и взял ручку.

Это был пробный тест по естественным наукам. Из восьми страниц Се Юй понимал от силы одну. Кое-как нацарапав ответы, он хотел было спрятать позорный листок, но Шэнь Цы уже забрал его для проверки.

Мужчина принялся за исправления.

В свете настольной лампы его очки отбрасывали мягкие блики. Он держал ручку так изящно и уверенно, что Се Юй невольно сжал пальцы, вспоминая свои каракули.

«Наверняка он теперь думает, что я тупой мусор».

Учителя и сверстники давно поставили на нем крест, и сам Се Юй привык считать себя безнадежным, но сейчас, под этим спокойным взглядом, ему стало горько.

Шэнь Цы закончил проверку, расставил пометки и поднял глаза на подростка:

— Устал?

— ...Что? — не понял Се Юй.

— Присядь рядом, я объясню, в чем ошибки.

Се Юй молчал.

Шэнь Цы не торопил его, просто ждал. В конце концов Се Юй не выдержал и пододвинул стул. Его жизнь была настолько бедна на тепло, что он просто не мог сопротивляться человеку, который говорил с ним так мягко.

Шэнь Цы начал объяснять. Его голос был ровным, дикция — четкой, а примеры — настолько доходчивыми, что Се Юй, сам того не замечая, начал вникать в суть формул.

Когда стрелки часов перевалили за полночь, Шэнь Цы закрыл колпачок ручки и легонько коснулся плеча парня:

— Иди спать. Завтра разбужу тебя к завтраку.

В чужой спальне, на чужой кровати Се Юй ожидал бессонницы. Но аура спокойствия, исходившая от Шэнь Цы, подействовала на него магически: едва коснувшись подушки, он провалился в глубокий сон.

Потянулись дни. Се Юй ходил в школу, Шэнь Цы — на работу.

Их жизнь становилась всё более слаженной, почти интимной в своей повседневности. Се Юй так и не понял, чем именно занимается его «кузен», знал лишь, что тот всегда носит строгие костюмы и пропадает в небоскребах делового центра. Но каждый вечер Шэнь Цы неизменно возвращался домой, чтобы разобрать с ним домашнее задание. Он терпеливо объяснял задачу за задачей, отклонял деловые звонки и важные встречи, словно учеба Се Юя была делом всей его жизни. Триста шестьдесят пять дней подряд.

По выходным они иногда вместе играли в приставку. Шэнь Цы великолепно готовил — особенно ему удавался суп из ребер с дайконом. Когда юноша видел его в кухонном фартуке, в легкой дымке пара, когда аромат домашней еды наполнял гостиную, у него возникало нестерпимое желание подойти и обнять этого человека. Ему казалось, что Шэнь Цы — его настоящая семья, и что они живут так уже целую вечность.

«…Семья?»

Может ли дальний родственник стать семьей?

Се Юй окончательно запутался. С тех пор как он переехал в этот дом, его приступы БАР прекратились. Его оценки взлетели до небес: из хвоста списка он выбрался в число лучших учеников потока. Он бросил байки, забыл про игры и вкалывал как проклятый с утра до ночи. Учителя ставили его в пример, прося поделиться секретом самодисциплины.

Се Юй только качал головой в знак отказа.

Правда была в том, что он учился ради того момента, когда приносил табель на подпись Шэнь Цы. Улыбка на лице мужчины была лучшей наградой. Шэнь Цы искренне радовался его успехам.

И Се Юй не хотел разочаровывать единственного человека в мире, которому он был

небезразличен.

Время пролетело незаметно, и наступил день Гаокао. Шэнь Цы взял отгул, чтобы поддержать его. Как и тысячи других родителей, он ждал у ворот школы, и как только Се Юй вышел с экзамена, он оказался рядом.

За этот год парень сильно изменился. Он состриг длинные патлы, Шэнь Цы подобрал ему гардероб со вкусом, он окреп и возмужал. В нем больше не было той мрачной затравленности, лишь живая энергия юности.

Шэнь Цы сразу заметил его в толпе — высокий, статный, он выделялся среди сверстников. Мужчина протиснулся к нему и, как заботливый отец, принялся расспрашивать:

— Как всё прошло? Что хочешь на ужин?

Се Юй улыбнулся:

— Мне всё равно. Что приготовишь, то и съем.

Ему действительно было неважно, лишь бы рядом с Шэнь Цы.

Несмотря на его слова, Шэнь Цы устроил настоящий пир. Он даже открыл две бутылки хорошего вина, чтобы отметить окончание школы.

После тяжелых экзаменационных дней и пары бокалов вина Се Юй быстро уснул. Но посреди ночи его сознание затуманилось странным, липким сном. Ему снилось, что Шэнь Цы прижимает его к себе, в его глазах плещется нежность, а прикосновения обжигают. Они обнимались, целовались, пуговицы на рубашках расстегивались, а одеяло сползало на пол…

«…»

В этот момент он с пугающей ясностью осознал, что именно заставляло его сердце трепетать всякий раз, когда они оказывались рядом.

Он любил этого человека. Единственного, кто был к нему добр. Он хотел его — до дрожи, до безумия.

Проснувшись, юноша долго сидел в темноте, а затем со всей силы влепил себе пощечину. На щеке мгновенно проступил багровый след. Он бросился к раковине, плеснул в лицо холодной водой и, встретившись взглядом со своим отражением, горько усмехнулся.

«Ну и мразь же я», — подумал он.

Шэнь Цы был его братом, пусть и дальним. Он заботился о нем из чистого милосердия, кормил, учил, а «младший братец» оказался неблагодарным животным, возжелавшим того, к чему не смел даже прикасаться.

Шэнь Цы не заслужил такой грязи.

Подавляя тошноту от самого себя, Се Юй дождался глубокой ночи, собрал испачканное постельное белье и запихнул в стиральную машину. Шум заведенного агрегата в ночной тишине показался ему грохотом грома. Он стоял у машины, молясь, чтобы Шэнь Цы не проснулся и не увидел его позора.

Но за спиной вспыхнул свет.

Белое сияние залило комнату, выставляя всё напоказ.

Шэнь Цы стоял в дверях в одной пижаме, выглядя заспанным и удивленным:

— Почему ты не спишь в такой час?

Се Юй одеревенел, загораживая собой стиральную машину:

— Не спится.

Шэнь Цы обеспоенно подошел ближе и коснулся его лба:

— Волнуешься из-за результатов? Это нормально после таких нагрузок.

Се Юй молчал. Шэнь Цы, помедлив, предложил:

— Уже поздно, а ты весь на взводе. Может… может, ляжешь сегодня со мной?

Се Юй закрыл глаза. Ему хотелось кричать от этой нелепости.

О чем только думает этот человек? Неужели он всерьез считает его ребенком, которому нужны мамины сказки на ночь? Неужели за три тысячи ли родства он действительно видит в нем лишь дитя?

Знал ли Шэнь Цы, какие грязные мысли роятся в голове у этого «ребенка»?

А если бы узнал — что бы он сделал? Сбежал в ужасе? Счел бы его монстром?

Шэнь Цы, не подозревая о буре в душе подростка, мягко взял его за запястье, пытаясь увести в свою комнату:

— Пойдем, поговорим немного. Все через это проходят, не стоит так нервничать.

Это было приглашение волка в овчарню.

Вспышка ярости и отчаяния ослепила Се Юя. Он с силой вырвал руку:

— Не пойду!

Шэнь Цы вздрогнул от неожиданности. С тех пор как они начали жить вместе, Се Юй ни разу не позволял себе такого тона.

Испуг в его глазах больно ударил по Се Юю. Парень горько усмехнулся:

— Шэнь Цы, ты правда считаешь меня маленьким мальчиком?

Шэнь Цы моргнул, растерянно пробормотав:

— ...Вовсе нет.

Как он мог считать его ребенком? Каждую долгую ночь, проведенную в одиночестве, он до безумия тосковал по теплу его объятий. Но Се Юй еще не закончил школу, и Шэнь Цы до смерти боялся напугать его своими чувствами, боясь показаться извращенцем с корыстными намерениями.

Увидев на лице парня еще более глубокую усмешку, Се Юй сделал шаг вперед, нависая над ним:

— Если знаешь, что я не ребенок, как ты смеешь звать меня в свою постель?

Шэнь Цы лишился дара речи.

«Действительно, почему?» — пронеслось в его голове.

Заметив, как помрачнел Се Юй, Шэнь Цы попытался сгладить углы своим обычным мягким тоном:

— Тебе плохо? Может, перекусишь?

Он решил, что это просто стресс после Гаокао, и раз он не может его обнять и утешить, то стоит хотя бы накормить.

Но этот жест заботы окончательно добил Се Юя. Он выглядел как типичный родитель, пекущийся о душевном здоровье чада.

Се Юй крепко зажмурился.

Глядя на то, как Шэнь Цы тянется за фартуком, он почувствовал такую острую, невыносимую боль, что она, казалось, выжигала всё нутро.

Годы одиночества приучили его ничего не ждать от людей. Он не получил любви от отца и привык жить в пустоте. Теперь, когда Шэнь Цы дал ему всё, он до смерти боялся, что этот сон развеется. Он пытался притворяться примерным младшим братом, но этот проклятый сон сорвал все маски.

Всё это казалось хрупким карточным домиком. Рано или поздно правда выйдет наружу, и он потеряет всё.

Се Юй больше не мог ждать. Ему нужен был ответ — здесь и сейчас. Он хотел вывалить всю свою внутреннюю грязь под ноги Шэнь Цы и спросить: «Смотри, вот кто я на самом деле! Ты всё еще хочешь быть ко мне добрым? Ты всё еще примешь меня, заглянув в бездну моей души?»

Внезапно он схватил Шэнь Цы за запястье. Пока тот ошарашенно смотрел на него, Се Юй заставил мужчину склонить голову и грубо, отчаянно впился в его губы.

Мгновение — и он отпрянул.

Этот короткий поцелуй стоил ему остатков мужества. Се Юй отступил на два шага, тяжело дыша. На его лице застыла кривая улыбка отчаяния:

— Ну что? Теперь ты всё еще хочешь, чтобы я спал с тобой?

Мужчина замер как вкопанный.

Прошло две бесконечных секунды. Под мертвенным взглядом парня он медленно поднял руку и коснулся своих губ — влажных и всё еще хранящих тепло чужого дыхания.

— Боже мой, — наконец выдохнул Шэнь Цы, и в его голосе прозвучало нечто, заставившее Се Юя вздрогнуть. — Се Юй… целуешься ты… всё так же паршиво.

http://bllate.org/book/15869/1443709